

Стихи о море в русской романтической лирике

МИХАЙ ПЕТЕР*

ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D., Magyarország

Received: 7 April 2021 • Accepted: 3 June 2021

© 2021 The Author

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается несколько стихотворений русских поэтов на тему моря. Описательный аспект в них пропитан эмоциональными переживаниями авторов. При этом меняющийся вид моря, его богатство световыми и звучными оттенками и переливами нарисованы с высоким поэтическим мастерством, позволяющим ощущать определенный параллелизм между динамикой моря и изменениями в душевной жизни человека. Эти романтические стихотворения содержат явные элементы реалистического подхода к действительности, а вместе с тем и некоторые черты, свидетельствующие о склонности авторов к трансцендентальности.

Элегия Жуковского «Море» (1822) – прекрасный пример олицетворения: море рассматривается как мистическое существо, которое живет, дышит и исполнено тревожной мыслью. Реалистичное изображение моря содержит скрытую аллюзию на переменчивые настроения человеческой души.

В стихотворении Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820) поэт вспоминает о своей потерянной бурной молодости. В его же стихах «К морю» (1824) море как символ абсолютной свободы напоминает судьбы двух великих мужей века: Наполеона и Байрона.

В стихотворении «Море и утес» (1848) Тютчев выражает свою веру в миссию России как защитника христианства. Помимо аллегорического смысла, мастерство изображения яростных бурь волн против «спокойного и уверенного в себе утеса» предлагает прекрасную параллель с известными морскими картинами Айвазовского. В его стихотворении «Как хорошо ты, о море ночное» (1865) непрерывное движение моря намекает на трансцендентальное. Последние строки этого стихотво-

* Corresponding author. E-mail: petermihaly28@gmail.com

рения говорят о неутолимой скорби поэта, вызванной недавней смертью его возлюбленной. Его же стихи «Волна и дума» (1851) представляют эмблематический символ взгляда поэта на аналогию природы и человеческого духа: наши мысли – это то же непрерывное, тщетное и обманчивое явление как бушующие и отступающие волны моря.

Бунин посвятил два стихотворения морю. В одном из них (1895) вид спокойного ночного моря вызывает у наблюдателя восхищенное предчувствие вечной красоты и неземной истины. В другом стихотворении (1897) описание бурного Северного моря напоминает унылое настроение поэта. Параллель между этим зрелищем и подавленным состоянием души поэта проявляется в уничижительных семантических тонах эпитетов и предикатов.

В стихах Бальмонта «У моря ночью» (1903) вид ночного моря возбуждает у поэта отчаянное видение нависающей смерти.

В своем коротком стихотворении (1884) Надсон сравнивает море с мощным органом в величественном соборе, но вместе с тем оно приводит видение кого-то «безумно смеющегося и грозящего».

При этом цитированные романтические стихотворения содержат явные элементы реалистического подхода к действительности, хотя в то же время некоторые их черты свидетельствуют о склонности авторов к трансценденциальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

русские поэты, описание моря, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Бунин, Бальмонт, Надсон

Эстетически ценное стихотворение представляет собой единичное автономное произведение искусства, и вместе с тем является скрещивающимся пунктом таких контекстов, как личность автора, литературная традиция, культурная и идеологическая атмосфера эпохи и др. Учет этих контекстов и предполагает возможность сопоставления разных продуктов литературного творчества. Разработке темы моря в русской поэзии первых десятилетий XIX века посвящена основательная работа Ф. П. Федорова (см. ФЕДОРОВ 2003). Расширяя несколько хронологию, я ограничиваюсь рассмотрением лишь некоторых характерных стихотворений на эту тему.

Ниже делается попытка сопоставления некоторых стихотворений на основе их тематики – моря. Время между проявлением выбранных здесь стихотворений охватывает семьдесят лет, их авторов можно отнести к романтическому направлению русской лирики. Романтизм понимаю вслед за В. М. Жирмунским как вневременный тип поэтического творчества, а не только как литературное направление, которое преобладало в начале XIX века. Поэт-романтик стремится прежде всего рассказать о себе: «раскрыть свою душу» (Жирмунский 1977: 134 и сл.).

1. Ведущий критик эпохи, В. Г. Белинский считал Жуковского «литературным Колумбом Руси, открывшим ей Америку романтизма в поэзии» (цит. КОВАРСКИЙ 1958: 21). Жуковский открыл также и средства поэтического изображения душевной жизни человека. Весьма важно его новаторство в области поэтической семантики: в его стихах заметную роль играют ассоциативные значения слов: слова становятся у него нередко выразительными не в своих основных («предметных») значениях, а в разных семантических оттенках, превращающих слова в символы неопределенных явлений (например, «Там»,

«Прежде», «Невыразимое» и др.) Вместе с тем, в описаниях природы Жуковский обнаруживал настоящее мастерство охватить реальные свойства действительности, и тем самым подготавливал высокие поэтические достижения Пушкина.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою.
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь, смятенье,

Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя –
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьмешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

(Жуковский 1958: 325)

Стихотворение «Море» (1822) написано в характерном для русского балладного стиха амфибрахии, в астрофических, безрифменных четырехстопных строках. Для инструментальной характеристики текста характерно обилие сонантов (например, *Безмолвное море, лазурное море... Открой мне глубокую тайну твою*), а для изображения бурного моря – губных и переднеязычных согласных (*Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьмешь*). Динамизм и меняющийся облик моря представлены экспрессивными глаголами и прилагательными (*льешься... светозарной лазурью... Ласкаешь... облака золотые / И радостно блещешь*). Энергичными глаголами описана морская буря (*бьешься... воешь... рвешь и терзаешь*).

В стилистическом отношении стихотворение представляет собой образец тропа олицетворения: поэт обращается к морю как некоему мистическому существу, которое жи-

вет, дышит и наполнено *тревожною думой*, скрывая свою *глубокую тайну*. В реалистически верном и одновременно эмоционально насыщенном описании моря имеется скрытый намек на параллелизм с самой человеческой душой, с ее меняющимися состояниями и переливами настроений.

2. Заслуживает внимания, что как стихотворение, открывающее период романтической лирики Пушкина («Погасло дневное светило...», 1820), так и стихотворение, завершающее этот период («К морю», 1824), тематически связаны с морем.

Погасло дневное светило;
 На море синее вечерний пал туман.
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Я вижу берег отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края;
 С волненьем и тоской туда стремлюсь я,
 Воспоминая упоенный...
 И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
 По грозной прихоти обманчивых морей,
 Но только не к брегам печальным
 Туманной родины моей,

Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость.
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новых впечатлений,
 Я вас бежал, отечески края;
 Я вас бежал, питомцы наслаждений
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, изменницы младые
 Подруги тайные моей весны златая,

И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило,
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

(Пушкин 1956: 7)

В этой элегии, написанной на корабле по пути из Феодосии в Гурзуф в 1820 г., поэт как бы прощается с прошлым, с былой любовью, со всей своей «потерянной младостью», признавая, что «прежних сердца ран... ничто не излечило». Если в приведенном выше стихотворении Жуковского изображение «разноликова» моря внушает подобие переменчивой человеческой души, то в стихах Пушкина волнение моря служит как бы мощным природным аккомпанементом для потока воспоминаний, овладевающих поэтом.

Элегия написана в чередующихся 4–5–6-стопных ямбах с женскими и мужскими клаузулами. Текст астрофичен, рефрен (*шуми, шуми...*) разделяет его на три неодинаковые части (2 + 10 + 22 стиха), в которых в анафорическом перечислении подводится печальный итог минувших времен (*где рано в бурях отцвела младость, где изменила легкрылая радость... забыты наперсницы порочных заблуждений*). Рефрен элегии представляет собой образец пушкинской поэтической инструментовки: гласные *у* и *и*, повторяющийся шипящий *ш* рисуют развевающиеся на ветру паруса, подударные же «темные» *о* и *у* рисуют вихрящиеся мощные волны моря. Выразительная звукопись поддержана и ритмикой стиха: в первом стихе рефрена в четвертой, во втором стихе во второй и пятой стопах ямба заменен «ускоряющим» текст пирригием.

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Как я любил твои отзвывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Смиранный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?

Скользит отважно среди зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный берег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.
У берегов остался я.

(Пушкин 1956: 198)

Это последнее романтическое стихотворение Пушкина посвящено теме свободы: всё в нем строится на этой теме. Его основным образом, воплощающим свободу, является море, и в тесной связи с ним появляются образы двух великих мужей эпохи: Байрона и Наполеона. Оба они, хотя и по-разному, соотносятся в сознании Пушкина с понятием свободы. Для Пушкина Байрон – выдающийся певец свободы, который и погиб за дело свободы. Образ Наполеона противоречив: с одной стороны, он *мятежной вольности наследник*, а с другой – убийца этой же вольности, хладнокровный тиран. В этом стихотворении миропонимание Пушкина уже выходит за пределы только романтического сознания: в нем постепенно укрепляется осознание неспособности народов современного ему мира бороться за свободу, ни даже принять ее; по его же сжатому определению, данному в поэме «Цыганы»: *Народы тишины хотят, / И долго их ярем не треснет*.

Пушкин выходит за пределы романтизма и в изображении самого моря: у него море не только мощный символ абсолютной свободы природы, но и материальное явление действительности: *и блеск, и тень, и говор волн, и тишина в вечерний час, и свое нравные порывы*. Четырехстопным ямбическим стихам придают частые пирригии на третьей стопе волнообразный ритм, напоминающий реальное движение моря.

3. Если русскую поэзию XIX века представить себе как горную цепь, то несомненно ее вершиной будет Пушкин, а за ним возвышаются три «пика»: Тютчев, Лермонтов и Некрасов. Творчество Тютчева нелегко поддается «каталогизации». В его лирике обнаруживаются отдельные риторически-дидактические элементы классицизма, а также некоторые черты державинского сенсуализма; Д. Чижевский назвал Тютчева самым настоящим русским романтиком, и роднил его с символистами (Чижевский 1964: 29), которые сами считали Тютчева своим предшественником. Однако, в миропонимании Тютчева скрывается за осязаемым миром не мир символов, а хаос, зияющая бездна, с которой человек «как

сирота бездомный», стоит «лицом к лицу пред пропастью темной» (см. его стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...»). В этом отношении Тютчев выступает скорее русским предшественником экзистенциалистов.

Не прост и вопрос об отношении между тютчевской и пушкинской лирикой. С одной стороны, Тютчев – один из наиболее достойных продолжателей поэтических достижений Пушкина. Он с большим мастерством пользовался поэтической речью, созданной Пушкиным. С Пушкиным его сближает и стремление и способность к художественному изображению природы и человеческой психики, подготовляющие реализм в лирике. Но Тютчев не был эпигоном Пушкина, а по своему мировосприятию скорее его антагонистом. Творчество Пушкина, несмотря на тяжкие испытания поэта и превратности его судьбы, проникнуто неугасимым утверждением жизни; в сознании Тютчева большое место занимает опознание «ночной стороны» мира и человеческой души.

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный.
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской,
С ревом, свистом, визгом, воем,
Бьет в утес береговой, –
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан!

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час другой –
Надоест волне гремячей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она –
И без вою, и без бою,
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется она...

(Тютчев 1957: 162)

Западноевропейские революционные события 1848 года вызвали у Тютчева убежденность, что «в Европе существуют только две действительные силы – Революция и Россия» (см. ПИГАРЕВ 1978: 127). Хотя этим взглядом он сближался со славянофилами, он тем не менее осуждал произвол русского самодержавия, сравнивал самовластие с «вечным полюсом», «вековой громадой льдов», с дыханием «зимы железной» (см. Головинский–Петров 1960: 418).

Девятнадцатистрошные строфы стихотворения написаны четырехстопным хореем (в первых строках неполным); в перекрестной и частично парной рифмовке чередуются женские и мужские окончания (А б А в С d С С d). Динамизму текста, отражающего волнение моря, способствуют частые замены хореев пирригиями, особенно в первой и третьей сто-

пах строки (*И озлобленные боем, / Как на приступ роковой*); из таких строк состоит почти треть текста.

Инструментовка стихотворения выразительна. Бушующее море описано обилием губных, передне- и заднеязычных твердых согласных (например, *И бунтует и клокочет... До звезд допрянуть хочет*), а также чередованием задних и передних гласных (*бунтует и клокочет... И пучину взворотила / И поставила вверх дном*). Утес, ненарушимо противостоящий приступу волн, охарактеризован сонантами (*Но спокойный и надменный, Дурью волн не обуян, / Неподвижный, неизменный, / Мирозданью современный...*). В лексическом отношении существенную роль в изображении моря имеют звукоподражательные существительные: *С ревом, свистом, визгом, воем*.

Стихотворение выражает в виде аллегии веру поэта в призвание России быть защитником и оплотом настоящего христианства. В то же время мастерство изображения приступа бушующего моря на «спокойный и надменный» утес представляет собой (независимо от аллегии) блестящую словесную параллель к картинам известного морского пейзажиста, Айвазовского.

Дума за думой, волна за волной –
 Два проявленья стихии одной:
 В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
 Тот же всё вечный прибой и отбой,
 Тот же всё призрак тревожно-пустой.

(Тютчев 1957: 185)

Своеобразное волнистое движение текста отражается в десяти- и одиннадцатисложных строках, объединенных чередованием мужских и женских окончаний в кольцевой рифмовке (М М ж М М). В виде эмблематического символа выражено суждение поэта о параллелизме между природой и человеческим сознанием: возникающие и утекающие наши думы – словно волнение моря: такое же беспокоящее и праздное, обманчивое явление. Текст стихотворения имеет строгую структуру: вслед за повтором сочетаний в первой строке повторяются и конструкции в третьей строке и создают семантический контраст. Заключительные параллельные анафорические строки раскрывают смысл сравнения, на который намекает первая строка: на «космический пессимизм» миропонимания поэта.

Как хорошо ты, о море ночное, –
 Здесь лучезарно, там сизо-темно...
 В лунном сиянии, словно живое,
 Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
 Блеск и движение, грохот и гром...
 Тусклым сияньем облитое море,
 Как хорошо ты в безлудье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
 Чей это праздник так празднуешь ты?
 Волны несутся, гремя и сверкая,
 Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянии,
 Весь, как во сне, я потерян стою –
 О, как охотно бы в их обаянии
 Всю потопил бы я душу свою...

(Тютчев 1957: 221)

Море, как один из характерных мотивов в тютчевской лирике, как бы соединяет в миропонимании поэта природу с окружающим ее хаосом. Это стихотворение содержит только один намек на трансценденцию (*Чей этот праздник так празднуешь ты?*), в остальной же части текста поэт виртуозно изображает непрерывное движение ночного моря. Стихотворение написано в четырехстопных дактилях с перекрестной рифмовкой женских и мужских окончаний (А В А В...).

В инструментовке текста важную роль играют задние темные гласные *о* и *у*: в первой строфе 8 ударных *о*, из них 4 стоят в рифме, во второй строфе 7 ударных *о* и 2 ударных *у*. Среди согласных преобладают губные *б*, *п*, *в*, переднеязычные *т*, *д*, сочетание *гр* (*грохот и гром... гремя*). Ночной вид моря основан на переливах света и красок (*лучезарно... сизо-темно... блеск... тусклым сияньем*) и на шумовых эффектах (*грохот и гром*). Море всё в движении, словно живое существо (*ходит и дышит*). Вид волнующего моря усиливает душевное смятение поэта, который недавно потерял свою возлюбленную. В его душе возникает то, что в теории психоанализа известно как «инстинкт смерти», т. е. влечение вернуть свое существование в какое-нибудь неорганическое состояние (см. в частности Уэллс 1959: 367).

4.

Поздний час. Корабль и тих и темен,	В царстве безграничного молчанья,
Слабо плещут волны за кормой.	В тишине глубокой сторожат
Звездный свет да океан зеркальный –	Час полночный звезды над морями
Царство этой ночи неземной.	И в морях таинственно дрожат.

Южный Крест, загадочный и кроткий,
В душу льет свой нежный свет ночной –
И душа исполнена предвечной
Красоты и правды неземной.

(Бунин 1956: 59)

В стихотворении 1895 г. дано описание ночного спокойного моря и восторженного состояния души, которое вызывает его вид. Текст, написанный в пятистопных хорях, содержит только две полнударных строки (*Поздний час. Корабль и тих и темен... В душу льет свой нежный свет ночной*); хорей заменяется пирригием особенно в первой и четвертой или во второй и четвертой стопе (*В тишине глубокой сторожат... Царство этой ночи неземной*). Рифмуются вторые и четвертые строки, окончания женские и мужские (ХаХа). Для инструментовки стихотворения характерно обилие сонантов: в первой строфе имеются 20 сонантов на 17 слов, во второй – 24 сонантов на 13 слов, в третьей – 26 сонантов на 16 слов. Мелодичность текста поддержана растянутым чередованием гласных (*Южный Крест, загадочный и кроткий*).

Холодный ветер, резкий и упорный
Кидает нас, и тяжело грести;
Но не могу я взоров отвести
От бурных волн, от их пучины черной.

Они кипят, бушуют и гудят,
 В ухабах их, меж зыбкими горами,
 Качают чайки острыми крылами
 И с воплями над бездною скользят.

И ветер вторит диким завываньем
 Их жалобным, но радостным стенаньям,
 Потяжелее выбирает вал,

Напрягши грудь, на нем взметает пену
 И бьет его о каменную стену
 Прибрежных мрачных скал.

(Бунин 1956: 68)

Стихотворение «Северное море» (1897) представляет собой сонет, состоящий из двух катренов и двух терцетов. В катренах рифма охватная (A b b A c D D c), в терцетах – комбинация парных рифм с охватной (E e f G G f). Текст написан в пятистопном ямбе; ямбы заменяются пирригиями чаще в четвертой стопе. Строки с двумя пирригиями усиливают мелодичность текста. Это стихотворение является как бы антиподом предшествующего по своей инструментовке: в нем преобладают губные, передне- и заднеязычные согласные (например, *И ветер вторит диким завываньем*). Параллелизм с подавленным душевным состоянием автора, хотя прямо не высказано, но ощущается в определениях (*холодный... резкий... упорный... бурных... пучины черной, диким завываньем, мрачных скал*) и глаголах (*кипят... бушуют... гудят*).

Корифей русской поэзии советской эпохи, А. Твардовский назвал Бунина «выдающимся мастером, достойным своих великих предшественников в русской литературе» (ТВАРДОВСКИЙ 1965: 31).

5.

У моря ночью, у моря ночью
 Темно и страшно, хрустит песок.
 О, как мне больно у моря ночью.
 Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
 Других светлее и всех нежней.
 Но если сердце ее отметит, –
 Одна далёко, не быть мне с ней.

Я умираю у моря ночью,
 Песок затанет, зальет волна.
 У моря ночью, у моря ночью
 Меня полюбит лишь Смерть одна.

(Бальмонт 1969: 297)

Ночное море *темно и страшно* для поэта. Его вид вызывает у него отчаянье, доходящее до кошмарных видений и чувства приближения смерти. Встревоженное душевное состояние проявляется в прерывистой ритмике текста: в середине каждой строки два амфибрахия, окруженные начальным ямбом и конечным неполным хореем. Рифмы перекрестные с женскими и мужскими окончаниями (A b A b).

6.

Тревожно сегодня мятежное море –
 В раздумье я долго над ним простоял.
 Как мощный орган в величавом соборе,
 Оно беспокойно гудело у скал.
 Поднимется вал, набежит, разобьется
 И в жемчуге пены отхлынет назад...
 И кажется, кто-то безумно смеется,
 И кажется, чьи-то угрозы звучат!

(Надсон 1962: 240)

О талантливом поэте С. Я. Надсоне, умершем в молодом возрасте (1862–1887), пишет зоркий литературовед Г. Бялый, что тот «стремился соединить боевую тенденциозность Некрасова с культом красоты в поэзии „чистого искусства“» (Бялый 1962: 41). И в приведенном здесь стихотворении скрывается противоречие: зрелище моря воспринимается, с одной стороны, как *мощный орган в величавом соборе*, а с другой стороны, поэту кажется, как будто за этим величавым зрелищем *кто-то безумно смеется, и чьи-то угрозы звучат*.

Стихотворение 1884 г. написано четырехстопными амфибрахиями с перекрестной рифмовкой женских и мужских окончаний (А В А В). Инструментовка богата сонантами, особенно в первой половине текста (*Тревожно сегодня мятежное море – В раздумье я долго над ним простоял*).

7. В приведенных стихотворениях преобладает над объективным представлением моря индивидуально-эмоциональное отношение поэтов к нему, т. е. их переживания, вызываемые морем. При этом само изображение моря, его богатство световыми и звучными оттенками и переливами исполнены с большим поэтическим мастерством, позволяющим ощущать определенный параллелизм между динамикой моря и изменениями в душевной жизни человека. Эти романтические стихотворения содержат явные элементы реалистического подхода к действительности, а вместе с тем и некоторые черты, свидетельствующие о склонности авторов к трансцендентальности.

Жуковский «очеловечивает» море, указывая на его параллелизм с самой человеческой душой с ее меняющимися состояниями и переливами.

В стихотворении Пушкина «Погасло дневное светило» волнение моря вызывает у поэта память о его потерянной мятежной молодости. В стихотворении «К морю» море как символ абсолютной свободы напоминает поэту судьбы двух великих мужей века: Наполеона и Байрона.

В лирике Тютчева море, как один из ее характерных мотивов, как бы соединяет в миропонимании поэта природу с окружающим ее хаосом.

Стихотворение Бунина «Поздний час. Корабль и тих и темен» выражает восторженное состояние души, вызванное зрелищем ночного спокойного моря. В его стихах же «Северное море» ощущается прямо не высказанный параллелизм с подавленным настроением поэта.

В стихах Бальмонта «У моря ночью...» вид ночного моря вызывает отчаянье, кошмарные видения и чувство приближения смерти. Подобные мрачные видения представляет мятежное море в цитированных стихах Надсона.

При этом цитированные романтические стихотворения содержат явные элементы реалистического подхода к действительности, хотя в то же время некоторые их черты свидетельствуют о склонности авторов к трансцендентальности.

ИСТОЧНИКИ

- Бальмонт 1969 = Бальмонт К. Д. *Стихотворения*. (Библиотека поэта. Большая серия.) Ленинград: «Советский писатель», 1969.
- Бунин 1956 = Бунин Иван: *Стихотворения*. (Библиотека поэта. Большая серия.) Ленинград: «Советский писатель», 1956.
- Жуковский 1958 = Жуковский В. А. *Стихотворения и поэмы*. (Библиотека поэта. Малая серия.) Ленинград: «Советский писатель», 1958.
- Надсон 1962 = Надсон С. Я. *Полное собрание стихотворений*. (Библиотека поэта. Большая серия.) Москва–Ленинград: «Советский писатель», 1962.
- Пушкин 1956 = Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений в 10 томах*. Т. 2. Москва: «Издательство АН СССР», 1956.
- Тютчев 1957 = Тютчев Ф. И. *Полное собрание стихотворений*. (Библиотека поэта. Большая серия.) Ленинград: «Советский писатель», 1957.

ЛИТЕРАТУРА

- Бялый 1962 = Бялый Г. С. Я. Надсон. В кн.: Надсон С. Я. *Полное собрание стихотворений*. (Библиотека поэта. Большая серия.) Москва–Ленинград: «Советский писатель», 1962. 5–46.
- Головинский–Петров 1960 = Головинский Ф. И., Петров С. М. (ред.) *История русской литературы XIX века*. Т. 1. Москва: «Издательство Министерства просвещения», 1960.
- Жирмунский 1977 = Жирмунский В. М. О поэзии классической и романтической. В кн.: Жирмунский В. М. *Теория литературы, поэтика, стилистика*. Ленинград: «Наука», 1977. 134–137.
- Коварский 1958 = Коварский Н. Поэзия Жуковского. В кн.: Жуковский В. А. *Стихотворения и поэмы*. (Библиотека поэта. Малая серия.) Ленинград: «Советский писатель», 1958. 3–70.
- Пигарев 1978 = Пигарев Кирилл: *Ф. И. Тютчев и его время*. Москва: «Современник», 1978.
- Твардовский 1965 = Твардовский А. О Бунине. В кн.: Бунин И. Н. *Собрание сочинений в 9 томах*. Т. 1. Москва: «Художественная литература», 1965. 7–49.
- Уэллс 1959 = Уэллс Г. *Павлов и Фрейд*. Москва: «Издательство иностранной литературы», 1959.
- Федоров 2003 = Федоров Ф. П. Море в русской лирике 1820–1830-х годов. В кн.: *Славянские чтения*. Т. 3. Даугавпилс–Резекне: «Издательство Латгальского культурного центра», 2003. 34–62.
- ЧИЖЕВСКИЙ 1964 = TSCHIZIEWSKIJ Dmitrij. *Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts*. Band 1. München: Eidos Verlag, 1964.

MIHÁLY PÉTER

Department of Russian Language and Literature, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Poems on the Sea in Russian Romantic Poetry

The paper presents a selection of poems about the sea, written by Russian lyric poets in the 19th century. The descriptive aspect in the poems is imbued by the emotional experience and actual mood of the authors. At the same time, the changing sight of the sea, the abundance of its luminous tints and sounding modulations are shown with high poetic mastery suggesting a certain parallel between the dynamism of the sea and the alternating states of the human mind. Parts of the texts indicate the authors' disposition to transcendence.

Zhukovsky's elegy *Море* [The Sea] (1822) is a fine example of personification: the poet addresses the sea regarded as a mystical being that lives and breathes, filled with anxious thought. The realistic portrayal of the sea contains a hidden allusion to the changing moods of the human soul.

Pushkin's poem *Погасло дневное светило...* [The Day Star is Gone] (1820) recalls reminiscences of his lost turbulent youth. In the poem *К морю* [To the Sea] (1824), the sea as the symbol of absolute freedom reminds of the fates of the two outstanding men of the century, Napoleon and Byron.

Tyutchev's poem *Море и утес* [The Sea and the Cliff] (1848) pertains to the Western European revolutionary events of 1848. In the form of an allegory, the poet expresses his belief in the mission of Russia as the defender and stronghold of genuine Christianity. Apart from its allegorical sense, the mastery of depicting the furious storms of waves against the "calm and self-confident Cliff" offers a fine parallel to the well-known maritime paintings of Айвазовский. The poem *Как хорошо ты, о море ночное* [How Fine is You, the Sea at Night] (1865) includes a hint at transcendence in the description of the continually moving sea. The last lines of this poem allude to the unappeasable grief of the poet caused by the recent death of his beloved. The poem *Волна и дума* [The Wave and the Thought] (1851) is an emblematic symbol of Tyutchev's view on the parallelism of nature and the human mind: our thoughts are regarded as just the same incessant, idle, and deceptive phenomena as the storming and receding waves of the sea.

Bunin devoted two poems to the sea. One of them (1895) presents the sight of the tranquil nocturnal sea, arousing a delighted state of the observer, his presentiment of everlasting beauty and "unearthly truth". The other poem (1897) describes the stormy Northern Sea with its piercing wind and heavy waves. The parallel between this sight and the depressed state of mind of the poet appears in the pejorative semantic tones of the epithets and predicates.

In Balmont's poem *У моря ночью* [At the Sea by night] (1903), the sight of the sea by night stirs up in the poet a desperate vision of imminent death.

In his short poem (1884), Nadson compares the sea with a powerful organ in a majestic cathedral but at the same time a vision appears to him of "somebody insanelly laughing and threatening".

In the cited poems, the romantic (i.e. individual and emotional) attitude to the sea is integrated with superior skill in describing elements of reality, and reveals a certain inclination of the poets to transcendental experience.

Keywords: Russian poets, descriptions of the sea, Zhukovsky, Pushkin, Tyutchev, Bunin, Balmont, Nadson

Open Access. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited, a link to the CC License is provided, and changes – if any – are indicated. (SID_1)

